

Хоть в Пещере, Пронзающей Небо, и не было совсем уж скверно, всё же там оказалось слишком сыро. Долгое пребывание в таком месте никому не пошло бы на пользу, и Бай Юйтан, не желая, чтобы Чжань Чжао терпел подобные лишения, принялся уговаривать его уйти. Южный Герой Чжань не выказал ни капли упрямства и согласился на редкость легко:

— Что же, полагаюсь на ваше гостеприимство, брат Бай. Ведите.

Пятый господин ясно сознавал, к чему ведут его собственные помыслы, чего нельзя было сказать о Чжань Чжао. К тому же эта его странная «особенность» внушала Юйтану нешуточное беспокойство.

«Как же так? — размышлял он. — Вдруг настанет день, когда мы станем близкими друзьями, а он наутро проснётся и не узнает меня? Где мне тогда искать прежнего Чжань Чжао? Неужели придётся начинать всё сначала, шаг за шагом?»

Столкнувшись с подобными расспросами, Чжань Чжао лишь спокойно пояснил:

— Это вовсе не болезнь. Память у меня в полном порядке. Просто... лики людей почему-то не запечатлеваются в моём разуме, таков уж врождённый изъян. Я забываю далеко не всё.

Несмотря на эти заверения, Бай Юйтан не успокоился и буквально силой притащил Чжань Чжао к своей старшей невестке, чтобы та проверила его пульс.

— Пульс у Чжань Чжао совершенно нормальный, — заключила Минь Сюсю, отнимая руку. — Разве что есть небольшой застой энергии и нехватка крови, да изредка случаются сбои в сердечном ритме. Немного укрепляющих снадобий — и всё придёт в норму. Бай Юйтан, что у тебя за мина? Неужто в моём искусстве засомневался?

Заметив на лице деверя тень недоверия, Божественный лекарь нахмурилась. Будучи мастером своего дела, она остро реагировала на подобные вещи. Если кто-то смел сомневаться в её мастерстве, она обычно не церемонилась. Но сейчас перед ней был Пятый брат, и отравить его было бы всё же чересчур.

— Брат Бай, я же говорил, что не болен. Это просто...

— И что же это такое? — перебила Минь Сюсю. Раз Бай Юйтан решил, что гость болен, значит, случай обещал быть любопытным. Как истинный врачеватель, она не могла пройти мимо такой загадки.

Вздохнув, Бай Юйтан без утайки поведал невестке о необычном свойстве памяти Чжань Чжао, умолчав лишь об одном — о том, что когда-то в Поселении Мяо он встретил юношу, в которого влюбился с первого взгляда, и им был Чжань Чжао.

Южный Герой Чжань Чжао пришёлся Минь Сюсю по душе. К тому же она уже давно разгадала тайну, которую так тщательно оберегал Пятый господин. Тот «юноша в голубом», встреченный много лет назад, и нынешний Чжань Чжао — связь между ними была очевидной, хотя и казалась почти невозможной.

Едва завидев Чжань Чжао, она невольно подумала: «Истинный благородный муж». Третий брат Сюй Цин на редкость метко его охарактеризовал. Молодой человек действительно производил неизгладимое впечатление: с первого взгляда казалось, что перед тобой тихий книжник из столичной академии, а вовсе не грозный воин с тяжёлым клинком в руках.

Вероятно, Чжань Чжао был сведущ не только в боевых искусствах, но и в науках. Он выглядел как выходец из знатной семьи, а не бедный сирота. Но кто же его родные? Если Бай Юйтан всерьёз вознамерился прибрать этого «кота» к рукам, такие вещи следовало прояснить.

— Невероятно, — протянула Минь Сюсю, открыто разглядывая Чжань Чжао. Лицо его было удивительно правильным; кожа не была нежной и белой, как у изнеженных барышень, но всё же оставалась светлой и чистой, точно свежий соевый творог. — Скажи, брат Чжань, позволь полюбопытствовать: кто остался в твоей семье? Кого из близких ты помнишь?

Чжань Чжао на миг помрачнел, но голос остался ровным:

— Близкие? Родители давно ушли из жизни. Учитель скончался год назад. Из родни остался лишь старший брат.

Эти простые слова отозвались в сердце Бай Юйтана острой болью. Чжань Чжао не жаловался, не искал сочувствия, но в его негромком голосе сквозила такая тихая горечь, что её невозможно было скрыть.

«Ничего, — подумал Бай Юйтан, посмотрев на него с теплотой. — Теперь у тебя есть я».

— Вот как... Значит, в повседневной жизни ты общаешься лишь с немногими?

— Совсем с немногими, — подтвердил Чжань Чжао. — До смерти учителя я жил с ним в горах. Потом странствовал по Поднебесной, но по-настоящему близко знал лишь старшего брата Оуяна. А потом встретил господина Бао, и всё изменилось.

Договорив, он вновь стал прежним — спокойным и невозмутимым, словно поток воды, который невозможно удержать в горсти.

Вдоволь налюбовавшись гостем, Минь Сюсю перевела взгляд на Пятого брата и лукаво подмигнула ему. Бай Юйтан лишь недоумённо повёл плечом. Что это на неё нашло? Впрочем, раз никакой смертельной хвори у кота не обнаружилось, и на том спасибо.

Пятый господин довольно взмахнул своим белым нефритовым веером. Но, посмотрев на каллиграфическую надпись в стиле Лю, полную дерзости и самонадеянности, он вдруг почувствовал укол смущения. Вспомнились слова Цзян Пина: Чжань Чжао не из тех, кто одобрил бы походы в такие места, как Павильон Циня. Если он прознает о его гуляньях, то и думать о нём будет соответственно.

С таким характером, как у Чжань Чжао, он вряд ли сам посмотрит в сторону Бай Юйтана, а уж если сочтёт его распутником — и вовсе пиши пропало.

С виноватым видом захлопнув веер, Бай Юйтан неловко усмехнулся:

— Кот, пойдём. Выпьем в моей Обители Снежной Тени.

«Выпьем?» — Чжань Чжао едва заметно нахмурился, но всё же последовал за ним. Он не забывал о своём долге — вернуть похищенные Три дарованных императором сокровища, а потому решил лишней раз не злить Пятого господина. Он уже начал понимать нрав Бай Юйтана: в том всё ещё жил капризный ребёнок, привыкший к защите и опеке своей большой семьи.

Чжань Чжао стало немного горько. Мир порой казался вопиюще несправедливым: его близкие покидали его один за другим, в то время как другие купались в лучах удачи.

Когда они добрались до Обители Снежной Тени, Чжань Чжао первым делом отметил вовсе не богатство обстановки — хотя Остров Пустоты явно не бедствовал, — а невероятную сложность этого места.

Бай Юйтан был мастером в Технике механизмов и ловушек. Чжань Чжао не обладал такими познаниями, но всё же кое-что смыслил. Он сразу понял, что видимые ловушки — лишь верхушка айсберга; здесь таилось множество куда более глубоких и опасных секретов. Южный Герой нахмурился, не совсем понимая намерений хозяина. Обитель казалась смертельно опасной для чужака. Если бы он пришёл не в поместье семьи Лу, а сразу сюда, Бай Юйтан вполне мог бы лишиться его жизни одним щелчком рычага.

Чжань Чжао чувствовал: рано или поздно он встретит препятствие, которое не сможет преодолеть, как его родители или учитель. Но он всем сердцем надеялся, что этим препятствием не станет Бай Юйтан. Почему в его душе зародилось такое чувство — он и сам не знал.

— О? Неужто и Кот смыслит в технике механизмов и ловушек? — Бай Юйтан просиял, словно нашёл родственную душу.

— Вовсе нет. Знаю лишь самую малость, — Чжань Чжао вовсе не скромничал. — В свободные часы я листал какую-то безымянную книгу из библиотеки учителя. Вероятно, сам он был великим мастером, но не успел обучить меня — слишком спешил на небеса, к Мо Чжу,

которого я никогда не видел.

— Вот как... — Пятый господин заметно поник. Он надеялся найти общую тему для разговора, ведь они едва познакомились. Чжань Чжао всегда выглядел таким отстранённым, и лишь изредка в нём проглядывал обычный семнадцатилетний юноша. — Ничего страшного. Здесь я обычно провожу свои опыты, так что механизмы чаще всего отключены.

Впрочем, тот факт, что Чжань Чжао вообще их заметил, уже говорил о многом. Бай Юйтан снова приободрился.

— Иди сюда, Кот. Будем пить!

Это было всё то же вино «Дочь Красная» восемнадцатилетней выдержки — точь-в-точь такое же, как стояло в комнате Чжань Чжао в тот день. Хоть он тогда и не притронулся к остаткам в кувшине, но по аромату узнал его сразу: учитель толк в вине знал.

— Это «Дочь Красная»?

— Она самая. Тоже любишь?

— Нет. «Белую грушу» я предпочитаю куда больше.

— Это ещё почему?

— Не знаю, — Чжань Чжао принял из рук Юйтана белый нефритовый кубок. Случайное касание пальцев заставило его внутренне вздрогнуть, и он поспешно отвёл руку. — Быть может, на память. Учитель при жизни больше всего любил именно «Белую грушу». И я пил только её.

— Да что в ней хорошего? Вкус слишком слабый, — Бай Юйтан недовольно скривился. — К тому же пьянит она быстро. Не пойму, что в неё подмешивают: на вкус — вода, а в голову бьёт крепко.

— «Белая груша» лучше всего подходит для лечебных настоек. Я с детства на них рос, — Чжань Чжао осушил кубок, хоть раньше и не пробовал такое вино. — К тому же «Грушу» на самом деле любил не учитель, а Мо Чжу. Но Мо Чжу полюбил её из-за учителя, а учитель пил её только потому, что она нравилась Мо Чжу.

— Как всё запутано...

— Совсем нет. В имени учителя был иероглиф «Ли» — груша. К тому же учитель, как и вы, брат Бай, всегда носил белое. Вот Мо Чжу и полюбил «Белую грушу», считая, что название вина

идеально подходит учителю. А учитель пил её в угоду своему возлюбленному. Только и всего.

— Кот, ты говорил, что всегда жил с учителем в горах. Почему? Мастер, воспитавший такого ученика, должен быть знаменит в мире боевых искусств. Почему же о нём ничего не слышно?

— Учитель оставался в горах ради Мо Чжу, — Чжань Чжао снова наполнил кубок и выпил его до дна. — Мо Чжу рано ушёл из жизни. Когда учитель нашёл меня, его уже не было на свете. Тело Мо Чжу покоится в бамбуковой роще за домом. Когда умер учитель, я похоронил их вместе, как он и завещал. При жизни учителя та роща была запретным местом, мне не позволялось туда входить.

— Почему именно в бамбуковой роще?

— Фамилия шиняна была Мо, а имя — Чжу, «Тушевой бамбук».

Имя Мо Чжу не было чужим для слуха — в своё время оно гремело на всю Поднебесную. Мастер, чьим оружием был нефритовый веер Застывшего Снега, не знал равных под небесами. Но об этом помнили лишь люди старой закалки; молодежь вроде Бай Юйтана ничего не знала о тех временах — Мо Чжу умер ещё до его рождения.

— Мо Чжу был красавцем? Судя по твоим словам, учитель его очень любил.

— Шинян был мужчиной. Учитель долго хранил это в тайне, я узнал обо всём лишь из его предсмертного письма. Там он поручил мне закончить то, что не успел сам. Но я до сих пор не нашёл того человека.

— Кого же он велел тебе отыскать?

— Лэй Юньцзэ. У него осталось оружие, с которым шинян не расставался при жизни. Учитель просил вернуть его — такова была последняя воля Мо Чжу. Сам учитель не желал встречаться с Лэй Юньцзэ, поэтому ждал, пока я вырасту. Дело-то, в сущности, нехитрое.

Чжань Чжао легонько покачивал кубок; вино плескалось о нефритовые стенки с чистым, мелодичным перезвоном.

— Не беспокойся, — уверенно произнёс Бай Юйтан. — Я пойду с тобой.

Чжань Чжао удивлённо взглянул на него и вдруг невольно улыбнулся, на миг ослепив Пятого господина своей искренностью.

Это была та же улыбка, что и тогда, в Поселении Мяо, когда Чжань Чжао спас старика. Она всё так же лишала покоя.

<http://bllate.org/book/17405/1657738>